

вместе с преподобным Ефремом Сириным: «Огонь угрожает, Господи, членам моим, но во мне, Избавитель мой, сокрыта примиряющая Кровь Твоя, геенна ожидает меня на мучение; но тесно соединено со мной Животворящее Тело Твое. Я облечен в ризу Духа Святаго и не опалюсь. Когда восшумит река огненная, угрожая отмщением, тогда **угаснет во мне огонь**, как скоро прирастет к нему воня (благоухание.— Д. Е.) Плоти и Крови Твоей»⁶⁵.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ МУЧЕНИЧЕСКОГО ПОДВИГА

*Аминь, аминь глаголю вамъ: вѣруяи въ мя,
дѣла, яже азъ творю,
и тоѣ сотворитъ, и бо́лша сихъ сотворитъ...*
Ин. 14, 12

«Иже во всем мире мученик Твоих, яко багряницею и виссом, кровью Церковь Твоя украсившись, теми вопиет Ти, Христе Боже: людям Твоим щедроты Твоя низпусти, мир жительству Твоему даруй, и душам нашим велию милость»¹.

Багряный хитон на теле Церкви является самым драгоценным из всех ее одеяний. Сотканный из кровавых ран святых мучеников, этот хитон являет высшую степень церковной славы и полноту духовного торжества, доступного на земле. Наверное, именно по этой причине феномен мученичества одновременно близок и недосягаем для нас. Ведь на первый взгляд память того или иного мученика — самое обыденное явление в жизни Церкви. Именами мучеников испещрены наши святцы, и мы носим их святые имена, их мужественными ликами украшен каждый храм, их подвиг запечатлен на сотнях страниц житийной литературы. И все же нет ничего более неприступного ни для ума, ни для подражания, чем тайна мученического подвига. Феномен мученичества сравним с устремленной к небу вершиной огромной горы, величественно парящей над землей и доступной

⁶⁵ *Ефрем Сирин, прп.* Цит. по: Сокровищница духовной мудрости. Антология святоотеческой мысли // <http://optina.org.ru/books/sokrovistchnitsa/a/ad/index.htm>.

¹ Троица Цветная, Неделя Всех святых. Тропарь святым.

лишь для избранных. Однако в церковном Предании образ горы — это не только символ надмирности, но и классический образ духовного восхождения, а это значит, что покорение духовных вершин, пусть и в свою меру, может стать уделом каждого христианина.

Первое, что поражает при осмыслении феномена мученичества, — это сверхъестественные проявления человеческой природы, раскрывающиеся как в душе, так и в теле мученика. Не случайно греческое *μάρτυς* («свидетель») вошло во все славянские языки как *мáртъ* — «мученик», *мáртъ* — «страдалец». По мнению Василия Васильевича Болотова, это второе значение «передает лишь второстепенную черту факта и явилось как отзыв непосредственного человеческого чувства на повествование о тех ужасных страданиях, которые переносили *martures*»². Однако за этим наименованием стоит нечто большее, чем естественная человеческая реакция на совершение акта насилия и жестокости. Эта второстепенная черта окажется куда более значимой, если за ней мы увидим ту нечеловеческую силу, которая, продлевая ужасные мучения до невообразимых пределов — так, что иногда над хрупкими христианскими телами ломались железные орудия казни,— претворяла оплакиваемых страдальцев в победоносных свидетелей истинного Бога. И сами эти свидетели воспринимали мученичество не как внешнее стечение обстоятельств, но как бесценный дар из рук Самого Творца. В противном случае мученичество становится камнем преткновения: оно начинает вызывать смущение, граничащее с неверием и хулой на святых. Но при малейшем ознакомлении с духовными законами, лежащими в основе мученического подвига, эти смущения исчезают. Таким образом, если не исключать «мученичество» из христианского контекста, его роль в осознании духовного мужества и вер-

² Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви // http://azbyka.ru/tserkov/istoriya/bolotov_lektsii_po_istorii_tserkvi_11-all.shtml.

ности истинному Богу окажется столь же значительной и необходимой, как и роль «свидетельства».

Основным ключом, приоткрывающим тайну мученичества, является принцип синергии. Содействие и соучастие Господа в жизни Своих верных является неотъемлемым, онтологическим свойством Церкви. Но в мученичестве, как нигде, этот принцип раскрывается во всем своем совершенстве, и именно мученики являются в высшем смысле причастниками Божества. Синергия доходит до своей предельной степени и необъяснимым образом становится подобием того, что в святоотеческой терминологии именуется *περιχώρησις* или *communication idiomatum*. Единство, состоящее во взаимопроникновении Божественной и человеческой природы у Христа, отчасти проявляется и в Его свидетелях, однако с тем существенным отличием, что в мучениках оно лишено непосредственного вовлечения в ипостась Бога Слова и является сверхъестественным даром, является, если можно так выразиться, антропологической проекцией перихорезиса. В качестве одного из ярких примеров проявления синергии в мученичестве приведем эпизод изжития карфагенских мучениц Перпетуи и Фелицитаты. Святая Перпетуя, будучи молодой вдовой и кормящей матерью, была арестована за принятие Святого Крещения вместе со своей служанкой Фелицитатой. Положение Фелицитаты отягощалось тем, что она находилась на последнем месяце беременности. Однако вместо того, чтобы переживать за жизнь ребенка и за саму себя, святая Фелицитата опасалась лишиться мученического венца, тем более что по римским законам ее, как еще не родившую, должны были помиловать. Обремененная крайне стеснительными обстоятельствами, она начинает испытывать предродовые муки, и, по-видимому, степень этих естественных мук была столь велика, что скрыть их не было никакой возможности. Итак, несмотря на проявление нечеловеческого мужества, святая Фелицитата не избежала

воздействия человеческих законов деторождения. В связи с этим особый интерес представляет сохранившийся в мученических актах ироничный вопрос стражи: «Вот, ты так страдаешь сейчас; что же будет с тобою, когда тебя бросят зверям?» В ответ святая с уверенностью заявила: «Сейчас страдаю я, а там со мной будет страдать Другой, так как я готова страдать с Ним»³. В этом удивительном житии синергия раскрывается перед нами с человеческой стороны — с дерзновенного свидетельства святой мученицы. Но важно увидеть ее проявление и со стороны Бога. Самым известным примером в этом смысле является обстоятельство мученической кончины святого апостола Петра. Получив уникальную возможность спасти свою жизнь для служения пастве, Петр убегает из Рима, но на своем пути встречает идущего навстречу Спасителя. «Куда идешь, Господи? — Иду в Рим, чтобы снова распяться,— ответил ему Господь и стал невидим. Изумленный Апостол понял, что Христос, страдающий в рабах Своих, как в Своих действительных членах, хочет и в его теле пострадать в Риме. Поэтому он опять возвратился к верным и был взят воинами на смерть»⁴. Ответ Господа не предполагал и тени насилия над свободной волей Своего ученика. И вместе с тем в этом ответе Божественное желание синергийного единства проявилось так недвусмысленно, что отказ от мученичества был бы равен предательству Христа.

Слова Господа Христа о том, что *верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит* (Ин. 14, 12), со всей справедливостью можно отнести к принципу синергии, действующему во святых мучениках, ибо чудо свидетельства о Христе даже до смерти несоизмеримо выше

³ Фелицитата и Перпетуя // <http://adamovka.ru/saint/?id=2046>.

⁴ *Димитрий Ростовский, свт.* Житие, подвиги и страдание святого славного и всехвального верховного апостола Петра // <http://www.idrp.ru/zhitija-svyatih-lib620>.

любого другого образа подвижничества и исповедничества. И если «быть узником ради Христа славнее, чем быть апостолом, учителем и благовестником»⁵, то насколько славнее пройти путь Христов до конца и максимально уподобиться Ему в Его Страстях. «Для меня доблестнее терпеть зло за Христа, чем принимать от Него почести. Это — великая честь, это — слава, выше которой нет ничего»⁶. При закате своей земной жизни, отдаваемой за Христа, мученик, часто еще прежде разделения души с телом, успевает озариться невечерним Божественным светом и получить залог вечной жизни. «Если умрешь за Христа,— говорит святитель Василий Великий,— не будешь побежден, но тогда-то и одержишь победу самую совершенную, до конца сохранив в себе истину непоколебимую и дерзновение за истину неизменным. И перейдешь от смерти к вечной жизни, от безчестия у людей к славе у Бога, от скорбей и мучений к миру, вечному упокоению с Ангелами»⁷.

Объяснение антиномии превосходства страдания и смерти над торжеством и жизнью таится в крестовоскресном подвиге Самого Спасителя, ведь главным делом воплотившегося Господа был Его голгофский кенозис. *Но на сей час Я и пришел* (Ин. 12, 27),— молитвенно обращается Христос к Отцу накануне распятия, указывая таким образом, что смысл Его истощания (кенозиса) коренится в нашем искуплении через смерть на Кресте и последующем Воскресении. В этом контексте Спаситель воспринимается как мученический первообраз, как Протомученик, как Тот, без подвига Которого победоносный девиз христиан — *semper*

⁵ *Иоанн Златоуст, свт.* Толкование на Послание к Ефессянам. Беседа восьмая // http://www.biblioteka3.ru/biblioteka/zlatoust/tom_11_1/txt08.html.

⁶ Там же.

⁷ *Василий Великий, свт.* Слова подвижнические. О подвижничестве. Предначертание подвижничества // http://hesychia.in.ua/bas_asc.htm#plan.

est sanguis christianorum⁸ — стал бы пустой и горделивой декларацией. Таким образом, синергия в мученичестве должна пониматься не просто как особая помощь от Бога, но как вхождение в крестовоскресное таинство домостроительства, осуществленное воплотившимся Богом Словом, Который *Сам Он претерпел, быв искушен, то может и искушаемым помочь* (Евр. 2, 18).

Итак, для приближения к тайне мученичества необходимо подробно рассмотреть его объективную и субъективную стороны, то есть соответственно Божественное и человеческое начало, а затем попытаться увидеть ту неуловимую грань, которая разделяет и одновременно соединяет то и другое.

Любое мученичество за Христа является иконой страданий Самого Спасителя. Поэтому все основные черты мученического подвига, о которых пойдет речь ниже, восходят к своему голгофскому первообразу и если могут стать отчасти понятны, то только через него и после него. Через него — ибо нигде наше человечество так не проявило свою реальность, как в Страстях Христовых. После него — ибо в первообразе есть нечто, парадоксальным образом уступающее тому, что мы иногда встречаем в его иконичных повторениях — в страдающих по Его образу христианах. Речь идет о страхе, проявленном Спасителем во время гефсиманского борения, и о его отсутствии у сотен и тысяч Христовых свидетелей, включая немощных жен, старцев и детей. Однако именно немощь предсмертного борения Христа и стала причиной ее отсутствия у Его последователей. Для того чтобы разрешить это кажущееся недоумение, необходимо вспомнить о том, какую именно человеческую природу воспринял в Свою Ипостась Сын Божий. Выражением общепринятого святоотеческого взгляда по этому вопросу является учение преподобного Иоанна Дамаскина о так

⁸ Кровь христиан есть семя (лат.).

называемых природных, или непорочных, страстях. По его мнению, Христос воспринял полноценную человеческую природу, включая ту объективную поврежденность, которой подвергся человек после грехопадения в рай, но исключая первопричину повреждения, которая, будучи внесена в нас дьяволом, именуется грехом в собственном смысле. Далее святой отец приводит пример воспринятых Спасителем непорочных страстей, свойственных также и всему человеческому роду. «Естественные же и безупречные страсти суть не находящиеся в нашей власти,— те, кои привзошли в человеческую жизнь вследствие осуждения за преступление, каковы — голод, жажда, утомление, труд, слезы, тление, уклонение от смерти, боязнь, предсмертная мука, от коей — пот, капли крови, помощь от ангелов ради слабости природы и подобное, что по природе присуще всем людям»⁹. Это та самая естественная страстность, которую, по слову святого Максима Исповедника, Бог допускает в падшее по своей свободной воле человеческое естество во избежание его абсолютной деградации, в обнаружение несостоятельности греховного вектора бытия и, наконец, для наказания человека.

В отношении страстей Христа и последующего мученического подвига, претерпеваемого ради Него, у преподобного Иоанна Дамаскина находим очень важное утверждение. «Христос все воспринял, чтобы все освятить. Он подвергся искушению и победил, чтобы нам приготовить победу и дать природе силу побеждать противника, дабы естество, некогда побежденное, победило победившего некогда посредством тех нападений, посредством коих само было побеждено»¹⁰. Таким образом, непорочная тленность Спасителя, посредством которой Он принимает смерть, становится орудием уничтожения не только греха как такового, но в конечном

⁹ *Иоанн Дамаскин, прп.* Точное изложение православной веры. М., 1992. С. 185.

¹⁰ Там же.

счете и самой себя. Святитель Афанасий Великий, полемизируя с арианами, избравшими гефсиманское борение одним из поводов низведения Логоса до уровня творения, защищал как истинность человеческой немощи Христа, так и истинность Его Божества, без которых мужество мучеников стало бы невозможным. Бог «Свою волю срастворил человеческою немощью, чтобы, и сие также уничтожив, снова соделать человека не боящимся смерти. Вот подлинно необычайное дело! Кого христорборцы почитают говорящим по боязни, Тот мнимую боязнь соделал людей отважными и небоязненными. И блаженные апостолы после Него вследствие этих слов столь начинают презирать смерть, что не обращают внимания на судей своих, но говорят: *повиноваться подобает Богу паче, нежели человеком* (Деян. 5, 29). Другие же святые мученики до того простирали небоязненность, что скорее можно было почитать их преходящими в жизнь, нежели претерпевающими смерть. Итак, не явная ли несообразность — удивляться мужеству служителей Слова и приписывать боязнь Самому Слову, силою Которого и они презирали смерть? Самою твердою решимостью и мужеством святых мучеников доказывается, что не Божество имело боязнь, но нашу боязнь отъял Спаситель. Ибо как смерть привел в бездействие смертью и все человеческое — Своим человечеством, так и мнимую боязнь отъял нашу боязнь и соделал, что люди не боятся уже смерти»¹¹. В более лаконичной форме эта мысль содержится в выражающем основу нашей веры Пасхальном тропаре. Жизнь, дарованная «гробному» Адаму и его потомкам, должна пониматься не только в пределах достижения афтарсии (греч. «бессмертие»), но в своем высшем, абсолютном значении максимального уподобления Дарующему ее. Тот, Кто однажды облек падшего Адама в «кожаные ризы», теперь принимает эти ризы на Себя Самого, оставаясь тождественным Адаму во

¹¹ Афанасий Великий, свт. Творения: В 4 т. Т. 2. М., 1994. С. 440.

всем кроме греха. Облачается же Он в них не ради сокрытия в их грубых изгибах Своей Ипостасной светозарности (что было лишь временным явлением и непостижимой тайной домостроительства), но чтобы разделить с падшим Адамом совлечение этого смертного одеяния и сооблечься с ним в ризу нетления и Божественной славы.

Как справедливо замечает святитель Феофан (Быстров), «отцы Церкви не только не находили предосудительного в том, что Спаситель испытывал чувство боязни перед Своей смертью, но, наоборот, находили это проявление человеческой немощи в Нем, при условии правильного понимания этой немощи, имеющим глубокое значение. Спаситель, по их учению, в числе других немощей человеческих воспринял на Себя и эту человеческую немощь, во-первых, для того, чтобы показать действительность Своей человеческой природы, и, во-вторых, для того, чтобы препобедить эту немощь в человеческой природе»¹². Правильное же понимание проявления природных страстей во Христе предполагает прежде всего Божественную святость, в силу которой Его следование неукоризненным страстям не было греховным, а также добровольность их восприятия, в отличие от всего человеческого рода, для которого томление под оброками греха стало естественным и закономерным состоянием. В противном случае следовало бы поставить знак равенства между кровавым потом Учителя и показательным сном учеников и, более того, отнести укор Христа к Нему Самому, ведь и то и другое относится к неукоризненным страстям человеческой природы. Обращение к «Точному изложению Православной веры» рассеивает последние сомнения по этому вопросу. «Естественные страсти наши были во Христе, без всякого сомнения, и сообразно с естеством, и превыше естества. Ибо сообразно с естеством они возбуждались в Нем тогда, когда Он позволял плоти испытать то, что было

¹² Феофан (Быстров), свт. Творения. СПб., 1997. С. 486–487.

ей свойственно; а превыше естества потому, что в Господе то, что было естественно, не предшествовало Его воле, ибо в Нем не созерцается ничего вынужденного, но все — как добровольное. Ибо, желая — Он алкал, желая — жаждал, желая — боялся, желая — умер»¹³.

Итак, преображенная во Христе человеческая природа получила Божественную силу сокрушать тиранию диавола посредством немощи, добровольно и икономично допущенную в Себя Спасителем и преодолевшему ее в Своих страстях. И самым зрелым плодом Христовой победы являются святые мученики. «А что Он действительно преподал эту немощь человеческой природе, ничто так не доказывает это, как страдания святых мучеников за Христа. Они страдали за Христа Спасителя и шли на смерть за Него не только без всякого страха, но и с великой радостью. И причина этого бесстрашия и этой радости их заключалась в том, что с ними сопредисутствовал во время их страданий невидимо Сам Христос Спаситель и помогала им благодать Святого Духа»¹⁴.

Что же касается субъективной стороны мученического подвига, то усвоение Божественной благодати, даруемой при восприятии мученического венца, предполагает соответствие евангельскому образу человека, открытому Спасителем. Но прежде раскрытия основных свойств этого образа следует отметить, что мученичество является хотя и весьма похвальным, но вовсе необязательным для спасения подвигом. Будучи пределом дерзновения пред Богом, оно преодолевает границы естества и в этом смысле становится достоянием избранных из избранных. Именно поэтому мы видим такое понимающе-нисходительное отношение Церкви к падшим во времена гонений. Так, 11-е правило I Вселенского Собора подчеркивает особую икономию,

¹³ Иоанн Дамаскин, *прп.* Указ. соч. С. 186. (Кп. 3, гл. 20).

¹⁴ Феодан (Быстров), *свт.* Указ. соч. С. 487.

проявленную отцами Собора по отношению к отпадшим от Церкви без принуждения при условии их искреннего и глубокого покаяния. «Об отступивших от веры, не по принуждению, или не по причине отъятия имений, или опасности, или чего-либо подобного, как то случилось в мучительство Ликиниево, собор определил являти милость им, аще и не суть достойны человеколюбия»¹⁵. С другой стороны, при всей своей сверхъестественности мученический подвиг никогда не был замкнут сам на себя, но воспринят Церковью как образец истинно христианской жизни. «В этом смысле мученичество есть общий жребий всех спасающихся в Церкви во всякое время. Неизбежность и общеобязательность мученической формы жизни составляет основную тему нравственно-аскетического учения Библии, святых отцов, пастырей и учителей Церкви»¹⁶. Именно поэтому наряду с мученичеством в строгом смысле появляется так называемое бескровное мученичество монашества, с самого своего зарождения явившееся подражанием мученичеству на крови и по окончании эпохи гонений как бы заменившее его оскудевший лик. «Хотя не время теперь мученичеству,— говорит преподобный Ефрем Сирин,— сделаемся мучениками в совести, восстанем против диавольских умыслов смиренномудрием, терпением, любовью к Богу и к ближнему, угождением друг другу ради Бога во исполнение заповедей Спасителя»¹⁷. Мученичество явилось и до сих пор остается камертоном истинно христианской жизни для Церкви во

¹⁵ Правила Святой Православной Церкви с толкованиями епископа Никодима (Милоша): В 2 т. Т. 1. М.: СТСЛ, 1996. С. 213–214. (11-е правило I Вселенского Собора).

¹⁶ Вениамин (Миров), *еп.* Божественная любовь. Саратов, 2011. С. 354.

¹⁷ Ефрем Сирин, *прп.* Творения. Т. 2. На слова, сказанные Господом: В мире скорбни будете (Ин. 16, 33),— и о том, что человеку должно быть совершенным // <http://lib.eparhia-saratov.ru/books/06e/efrem/sirin2/57.html>.

всей ее полноте. Пребывая на вершине церковного почитания, оно воодушевляет к восхождению от славы в славу каждого члена Церкви.

Возвращаясь к рассмотрению субъективной стороны мученического подвига, необходимо заметить, что при всей антиномичности мученического подвига неотъемлемым и главным условием его совершения является вовлеченность в Церковь, в одинаковой степени необходимая для исполнения любой евангельской добродетели. Ведь без реальной причастности Спасителю, доступной только в Церкви, мученичество оканчивается либо трагическим поражением, либо мимикрией под мученичество.

Подходя с этим критерием к феномену мученичества, мы неизбежно встречаемся с рядом затруднений. И первым из них следует назвать проявление мужества и жертвенности вне христианского контекста. Такое «мученичество» может иметь нравственную, педагогическую ценность, однако, как бы ни было оно выразительно, *sub specie aeternitatis*¹⁸ оно представляется, как минимум, бесплодным, ибо все «не ради Христа делаемое, хотя и доброе, мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает»¹⁹. При более пристальном взгляде на нехристианское подвижничество в его основе обнаруживается духовная первопричина, и чем выше подвиг, тем более религиозно окрашенной будет мотивация его совершения. В конечном счете лжемученичество коренится в демоническом служении и порабощении страстям.

Более сложной проблемой представляется мученичество во имя Христа, совершаемое в состоянии вражды с Церковью. Здесь очень важно подчеркнуть, что истинное мучени-

¹⁸ С точки зрения вечности (лат.).

¹⁹ *Серафим Саровский, прп.* О цели христианской жизни // http://azbyka.ru/tserkov/duhovnaya_zhizn/molitva/otche_nash/mitropolit_veniamin_molitva_gospodnya_11-all.shtml.

чество является достоянием одной лишь Церкви, и именно Церкви, основанной Христом. Любое уклонение из спасительной церковной ограды, будь то ересь, раскол или откровенное богоотступничество, лишает мученического венца стремящихся к нему и превращает истинное мученичество в религиозный фанатизм. Более того, мученичество, претерпеваемое в недрах ереси или раскола, как правило, приводит к своей противоположности. Потенция раздражительной силы души, заложенной Богом в человека для активного сопротивления демоническому миру, а после грехопадения и для мученической борьбы за веру, может изменить свое направление и обернуться страстью тирании, нередко направляемой вместо источника зла на носителей истинного блага, то есть на чад Церкви. Как замечает протоиерей Александр Шаргунов, «религия Бога любви может вызывать самую великую ненависть»²⁰. Самым грандиозным прецедентом описанной духовной метаморфозы XX века стал геноцид православных сербов, осуществленный хорватскими католиками при непосредственном участии руководства Ватикана и покровительстве фашистского оккупационного режима. Итальянский историк и католик по вероисповеданию Марк Аурелио Ривели в своей книге «Архиепископ геноцида» приводит документально подтвержденные сведения о том, что «все подразделения войск усташей располагали католическими священниками. Определенные из них, носящие рясы, принимали непосредственное участие в операциях по этническим чисткам и истреблениям. Другие же ограничивались одобрением этноконфессиональной резни “во имя Божие”»²¹. Главным же покровителем

²⁰ *Шаргунов А, прот.* Между толерантностью и любовью // <http://www.russdom.ru/node/5729>.

²¹ *Ривели Марк Аурелио.* Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 8.

беспрецедентного в христианской среде беззакония был примас Хорватии монсеньор Алоизий Степинац, вошедший в историю хорватского государства с именем национального героя и «мученика коммунистического режима». В том, что данная ситуация является не случайным стечением обстоятельств, но закономерным проявлением вышеописанного духовного закона, мы убеждаемся при обнаружении еще более невероятного факта. А именно: 2 октября 1998 года во время папского визита в Хорватию папа римский Иоанн Павел II причислил кардинала-палача Алоизия Степинаца к лику блаженных Католической Церкви. Таким образом, в сознании десятков тысяч католиков мученики и их палачи поменялись местами. «Что общего у благого Христа с тем монструозным и кровавым чудовищем, которое как по числу жертв, так и по разнообразию примененных методов мучений многократно превзошло и превысило все то, что натворила испанская инквизиция?!»²² — замечает епископ Артемий (Радосавлевич) в отношении «христианских» исполнителей геноцида. Нечеловеческая жестокость, обнаружившая себя при исполнении государственного заказа по истреблению хорватами братского сербского народа, настолько превзошла все мыслимые границы, что заставила содрогнуться даже гитлеровские оккупационные войска. Объяснение такой сверхъестественной агрессии — в причастности ее носителей к ереси, которая, в свою очередь, настолько сильно поражает человека, что не оставляет ему шансов на спасение даже в случае мученической кончины. «Не могут пребывать с Богом не восхотевшие быть единомышленниками в Церкви Божией: хотя бы они, быв преданы мукам, сгорели в пламени... или испустили дух свой, будучи брошены на съед зверям, однако и это не будет для них венцом веры, но

²² Артемий (Радосавлевич), еп. Предисловие // Ривели Марк Аурелио. Архиепископ геноцида. Монсеньор Степинац, Ватикан и усташская диктатура в Хорватии 1941–1945. М., 2011. С. 4–5.

будет наказанием за вероломство,— не будет славным окончанием благочестивого подвига, но исходом отчаяния»²³. Как и грех ереси, «грех раскола не смывается даже мученической кровью»²⁴. С проблемой почитания лжемучеников Церковь регулярно встречается на протяжении всей своей истории, но алгоритм отношения к лжемученикам и их поклонникам был определен еще в IV веке на Лаодикийском Соборе 343 года. В случае пролития лжемучеником крови Церковь проявляет сугубую бдительность и запрещает какое бы то ни было его почитание под угрозой отлучения. Девятое правило Лаодикийского Собора предписывает временно отлучать от причастия посещающих еретические мартирии и кладбища, на которых нередко происходило прославление лжемучеников. Епископ Никодим (Милош) уточняет, что «еретики, особенно монتانиты и фриги, имели своих мучеников за веру, совершали их поминание на кладбищах и в честь их строили храмы. Правило запрещает православным участвовать в этих поминовениях»²⁵. Правило 34 того же Собора прямо говорит о полной безблагодатности лжемучеников-еретиков и предпочитающих их истинным мученикам Христовым ставит перед угрозой анафемы.

Важная и актуальная во все времена тема лжемученичества заслуживает сегодня особенного внимания в связи с появлением теории «экуменизма мученичества». Избрав поводом к ее распространению общемировую тенденцию по дискредитации христианства, идеологи экуменизма намеренно расширяют понимание мученичества до пределов, нередко выходящих за рамки Православия. Последнее громкое заявление о значимости «экуменизма мученичества» было сделано в рамках аудиенции, данной новоизбранным римским

²³ Иоанн Златоуст, свт. Творения. Т. 11. Кн. 1. Беседа 11 // http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z11_1/Z11_1_11.htm.

²⁴ Там же.

²⁵ Правила Святой Православной Церкви... Т. 2. С. 85–86.

понтификом президенту Совета Евангелической Церкви Германии Николаусу Шнайдеру. В частности, было заявлено, что «кровь, пролитая мучениками, создает глубокие узы между разными христианскими конфессиями в свете их общего свидетельства Христу»²⁶. Впрочем, толерантная логика «экуменизма мученичества» позволяет выйти далеко за пределы христианства и достигать все новых и новых горизонтов столь же ложной любви.

Зеркально противоположным вышеописанному лже-мученичеству является подвиг мучеников за Христа, не воспринявших благодать крещенской купели, то есть формально стоящих за пределами Церкви. Ситуация обычная в условиях гонений первых трех веков, а в странах с доминирующим языческим сознанием — до сих пор. История Церкви знает примеры стремительного и неполного по форме крещения в случае смертельной угрозы, например песком при отсутствии воды²⁷. Потенциальная возможность предательства и связанная с этим вечная погибель оправдывала принятие крещения в экстремальных условиях, но удивительнее другое: нередко это крещение становилось причиной принятия новоприсвященными и второго крещения — крещения кровью. Таким образом, иорданское крещение служило ступенью к восхождению на крещение по образу распятия Спасителя, которое святитель Николай Сербский назвал голгофским крещением. Именно о таком крещении прикровенно сказал Господь Своим будущим Апостолам: *чашу Мою будете пить, и крещением, которым Я крещусь, будете креститься* (Мф. 20, 23).

Однако, в силу разных обстоятельств, пламенно верующие во Христа далеко не всегда имели возможность принять даже ущербное по форме иорданское крещение, и в этом слу-

²⁶ Русская служба Радио Ватикана // http://ru.radiovaticana.va/m_articolo.asp?c=681076.

²⁷ См.: *Иоанн Мосх, прп.* Луг духовный. Сергиев Посад, 1915. С. 207.

чае воду заменяла их собственная кровь, а Символ веры — мужественное исповедание истинного Бога перед мучителями. Там, где исповедник восходил к непосредственному подражанию голгофскому крещению Спасителя, отпадала нужда в традиционной крещальной символике, необходимой как раз для мистического вхождения в реальность первообраза. Таким образом, с самых первых дней своего существования Церковь знает два крещения и второе почитает истинным вне зависимости от совершения первого. «И некоторые из бывших язычников, не крещенных водою и Духом, принимали мученичество за Христа и крестились кровью, и крещение их принято как полное и действительное»²⁸. Более того, крещение кровью не только вводит божественных ревнителей в Церковь, но и открывает им путь на небо, и поэтому оно намного превосходит первое, поэтому «первое крещение — водою и Духом — заповедано нам, а второе — собственной кровью — дано как выбор»²⁹. С другой стороны, жития святых мучеников содержат немало примеров внезапного духовного прозрения, так что путь к мученичеству, продленный у некоторых на целые годы, иногда проходит за очень короткий срок. Пламенная любовь к внезапно открывшемуся Спасителю иногда сужает длительный подготовительный период до нескольких мгновений. Этим путем вошли в рай благоразумный разбойник Рах, севастиийский мученик Аглай, эфесский комедиант-мученик Порфирий, святой мученик Вонифатий, святой мученик Омир Иерусалимский и многие, многие другие.

Однако этим таинство мученичества не исчерпывается. Церковь знает также множество примеров ветхозаветного мученичества, претерпеваемого за истинного Бога и соблюдение Его закона. Факт ветхозаветного мученичества становится еще

²⁸ *Николай Сербский, свт.* Верую. Вера образованных людей // http://azbyka.ru/otechnik/?Nikolaj_Serbskij/veruju-vera-obrazovannykh-ljudej.

²⁹ Там же.

более загадочным, если принять во внимание тот критерий церковности, о котором было сказано выше. При вспоминании подвигов ветхозаветных мучеников, лишенных новозаветной благодати, неизбежно возникает вопрос: где же черпали силы эти во многом не уступающие мужеству христиан древние ревнители? На первый взгляд, их подвиг невозможно объяснить ни подражанием Христу, ни причастностью к Церкви. Если мученический подвиг пророков может быть рассмотрен как проявление особой благодати, данной им для свидетельства о едином истинном Боге и Его непреложных заповедях, то мученичество других ветхозаветных праведников предстает непостижимой тайной.

Пристальное внимание святых отцов привлекал подвиг святых мучеников Маккавеев. По поводу этих ревнителей святитель Феофан (Быстров) замечает, что, как и Пророки, «они жили еще до пришествия Христа Спасителя на землю и до крестных страданий Его, когда Он еще не был прославлен и Дух Святой еще не сошел на Апостолов, а через них и на всех людей. По-видимому, по отношению к ним не могло быть и речи о той благодатной помощи, которая сообщалась во время страданий новозаветных мучеников»³⁰. Священное Писание также не дает прямого ответа на вопрос об источнике сверхъестественного мужества Маккавеев: предстоя Антиоху Епифану, мученики говорят о том, что страдают *за досточтимые и святые законы* (2 Мак. 6, 28) истинного Бога, Который силен их воскресить в последний день (см. 6–7 гл.). Истинную причину ветхозаветного мученичества указывает в своем 16-м Слове святитель Григорий Богослов. «Соделавшись мучениками прежде Христовых страданий, чего не совершили бы они, подвергшись гонению после Христа и став подражателями Его за нас смерти? И без такого образца показав столько доблести, не оказались ли бы они еще более мужественными, если бы страдали, взирая на

³⁰ Феофан (Быстров), *свт.* Указ. соч. С. 488.

пример Христов? Но есть также таинственное и сокровенное учение (весьма вероятное для меня и для всякой боголюбивой души), по которому из достигавших совершенства прежде пришествия Христова никто не достигал сего без веры во Христа. Ибо Слово хотя ясно открылось уже впоследствии, в определенное время, однако же умам чистым было ведомо и прежде, как показывают многие прославленные до Христа»³¹.

Эту же мысль мы находим у святителя Иоанна Златоуста. Святой отец обличает тех христиан, которые приносили мученический подвиг Маккавеев, «говоря, что они пролили свою кровь не за Христа, но за закон и за писание закона, будучи заколоты за свиное мясо» («Об Елеазаре и семи отроках»). «Я настолько не отказываюсь считать их наряду с остальными мучениками, что даже объявляю их более блестящими. Они подвизались тогда, когда еще не были сломаны медные врата, не снят был железный засов, когда еще грех властвовал, проклятие процветало, крепость диавола стояла и жесток был еще путь такой добродетели. Теперь даже совершенные отроки и много нежных девиц и незамужних всюду во вселенной вооружились против власти смерти; а тогда, до пришествия Христа, даже праведники сильно трепетали»³². Приоткрывая тайну подвига святых Маккавеев, святитель использует образ утренней зари, приближающей к созерцанию восходящего солнца и дающей силы преодолеть страх смерти. «Сам Петр так боялся смерти, что не перенес угрозы даже привратницы,— потому что страшна она была и недоступна, еще не были усечены ее жилы, ни могущество ее не было уничтожено. Но, однако, эти [Маккавеи] преодолели и побороли ее, когда веяло таким

³¹ Григорий Богослов, *свт.* Собрание творений: В 2 т. Т. 1. М., 2000. С. 295.

³² Иоанн Златоуст, *свт.* Творения. Т. 12. Ч. 1. Беседа 11 // http://www.ispovednik.ru/zlatoust/Z12_1/Z12_1_45.htm.

страхом от нее. Так как имело уже взойти Солнце правды, то что днем бывает, и тогда произошло. Как для нас является светлое утро, когда еще не явилось даже солнце, когда еще не видны бывают лучи, а свет лучей осиявает вселенную издали,— так и тогда произошло. Так как имело прийти Солнце правды,— тьма робости наконец уничтожилась, хотя Он и не присутствовал еще по плоти, а был вблизи, в преддверии, и уже касался самых вещей»³³. Итак, верой провидя грядущего Мессию, ветхозаветные мученики своим подвигом таинственно предобразили Его Крестный подвиг и таким образом предвосхитили славу новозаветного мученичества за Христа.

Кроме причастности к Церкви, как главного и общего условия восприятия мученического венца, необходимо остановиться и на других не менее важных аспектах субъективной стороны мученического подвига. И первым из них следует назвать добровольность его восприятия. Оглядываясь на массовый характер репрессий, пережитых Русской Церковью в прошедшем XX столетии, становится понятно, что далеко не каждое убийство за Христа открывает новую страницу в церковном мартирологе. «Мучеником делает не только смерть, но душевное расположение»³⁴,— свидетельствует святитель Иоанн Златоуст. И определять вектор этого душевного расположения человек волен в самой безвыходной ситуации, даже в том случае, когда угроза смерти предстанет перед ним со всей внезапностью и неотвратимостью. «И ограбление, и избиение, и бесчестие — может быть для тебя источником озлобления и разорения душевной жизни. И тогда злодеяние разбойника будет для тебя злом. Но то же ограбление, и избиение, и бесчестие,— хотя они и злые деяния, взятые сами по себе и в отношении злой воли, их совершившей,— но для тебя они могут быть источником великого

³³ *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. Т. 12. Ч. 1. Беседа 11.

³⁴ *Иоанн Златоуст, свт.* Творения. СПб., 1896. Т. 2. С. 732.

блага, коль скоро ты переживёшь их во благо своего спасения, с терпением, неосуждением, всепрощением... Вот почему святые мученики говорили: "Вы можете убивать нас, но не можете сделать нам зла"»³⁵. Подобное отношение к смерти наделяет мучеников Божественным свойством обращения зла во благо в столь сильной мере, что некоторые из них буквально жаждали мученической кончины во имя Христа. Так, святые мученицы Марфа и Мария, увидя в окно проезжавшего мимо языческого военачальника, объявили себя христианками³⁶. Они не ограничились простым исповеданием Христа, но стали буквально провоцировать мучителя на арест и последующую за ним казнь. От пламенного желания мученической кончины не смог отказаться и их младший брат — святой отрок Ликарион. Он также вышел навстречу язычнику и намеренно исповедал перед ним свое христианское имя, после чего был распят и усечен мечом.

Истинный свидетель Христов не может уподобиться Спасителю, добровольно отдающему Свою душу для спасения мира (см.: Ин. 10, 18), если его жизнь будет отнята без его желания и тем более вопреки его воле. В случае же колебания перед угрозой смерти и неготовности пронести мученический крест до конца Церковь советует по возможности избегать мучений. Этим оправдан общий закон мученичества: «щадя гонителей и немощных, не выходить на подвиг самовольно, но выйдя — не отступать, потому что первое — дерзость, а второе — малодушие»³⁷. Насколько важен этот духовный закон, показала эпоха гонений и связанная с ней трагедия предательства Христа, о чем мы уже упоминали выше.

Пройти царским путем между дерзостью и малодушием помогает мученику смирение. По общему мнению святых

³⁵ *Свенцицкий В., прот.* Диалоги. О Промысле и свободе воли // <http://pravbeseda.ru/library/index.php?page=book&id=156>.

³⁶ Память 6 февраля.

³⁷ *Григорий Богослов, свт.* Творения. Ч. IV. М., 1844. С. 57.

отцов, смирение — самое надежное средство спасения, а его отсутствие — залог гибели. Как и любой подвиг, мученичество за Христа может быть отравлено страстью гордыни, и в этом случае подвижник не достигнет возделенной спасительной цели. В ситуации мученичества, когда человек стоит на грани жизни и смерти, эта страсть чревата непоправимыми последствиями: несостоявшееся мученичество может окончиться вечной гибелью. Поэтому смирение является не просто важной, но существенно необходимой добродетелью вступающих на стезю мученического подвига. Приведем весьма ценное свидетельство из писем священномученика Василия (Соколова), опытно удостоверившегося в значении этой добродетели. За две недели до расстрела в своем письме к духовным чадам отец Василий писал: «Очевидно, что с того момента, когда арестованный человек оказывался во власти коварных, злобных и жестоких людей, полагаться на свою силу, на свой разум и мужество было уже нельзя. Гонители — это слуги самого дьявола, люди, вручившие себя его злой воле, и через них сам дьявол мог воздействовать на гонимых. Человек в тюрьме становился совершенно беспомощным перед прямым духовным давлением зла, которое дьявол осуществлял через своих служителей. Подавляющим было даже не столько физическое воздействие, сколько тот ужас, который исходил от этих людей. И не сами они были столь страшны, но то, что стояло за ними. В таких условиях, когда арестованный реально осознавал свое истинное положение, ему, конечно, ничего иного не оставалось, как только смириться. Человек, понявший, что он не имеет собственных сил сопротивляться, всем своим существом обращается только к Богу. И тогда он получает укрепление. Благодать Духа Святого нисходит, вселяется в душу и дает возможность устоять там, где человеческими силами выдержать невозможно. Свершается чудо Божие»³⁸.

³⁸ Письма сщмч. Василия (Соколова) // <http://www.russian-inok.org/page.php?page=tema1&dir=tema&month=1007#local32>.

Однако описанный опыт смирения ни в коем случае не означает пресмыкательства перед гонителями и не допускает компромисса со злом. Священномученик Василий ясно указывает на различие между истинным смирением, основанным на Божественном умирении, и тем малодушным смиренничеством, которым ради земной, скоропреходящей выгоды можно оправдать самое откровенное богоборчество. «Устоявшие мученики смирялись перед гонителями, конечно, не в том смысле, что уступали и угождали следствию. Смирение проявлялось иначе. В сознании мученика при реальной угрозе смерти вся жизнь его начинала восприниматься по-новому. Возникало ощущение незаконченности дела своей жизни, чувство своей греховности, признание недостойности и незаслуженности каких-либо плат будущей жизни. В покаянном самоукорении человек оставлял всё и вся и ни за что земное уже не держался, ничего не ждал в этой жизни, ничто не имело для него значения кроме веры, кроме Христа. И тогда он становился готовым к мученичеству. Тогда человек был даже спокоен. Когда человек оставлял все, кроме Христа, то враги сами от него отступали, потому что он становился для них в некотором роде неуязвим. Таких людей не удавалось сломить, и следствие перед ними было бессильно. Это тот феномен, когда, как и в древности, пытки не были вполне чувствительны для таких людей. Господь ставил определенный предел того, что человек может вынести. Дальше мучения уже теряли свою силу»³⁹.

Смирение же перед злом, напротив, духовно порабощает христианина и таким образом лишает его возможности пойти на мученический подвиг. Византийский хронист Феофан Исповедник оставил в своей «Летописи» яркий пример такого предательского компромисса и последующего за ним поражения. Речь идет о константинопольском патриархе Константине II, подчинившемся вероломной политике

³⁹ Там же.

императора-иконоборца Константина Копронима. После публичного отречения от почитания икон и кощунственного нарушения монашеских обетов патриарх был сослан, но вскоре возвращен для дальнейшего поругания. Вот как об этом пишет Феофан: «Тиран Константин так жестоко избил его, что он не мог ходить на ногах своих, потому царь приказал его нести на носилках и посадить на приступках Великой церкви. При нем находился секретарь с томом бумаг, в котором описана вина его. Весь народ из города по повелению царя был тут собран зрителем; бумаги читались во услышание всего народа; по прочтении каждой главы секретарь бил его в лицо, в присутствии и при глазах патриарха Никиты, который сидел на престоле своем. Потом подняли Константина, поставили прямо на амвон; Никита взял бумаги, послал епископов снять с него омофор и предал его проклятию, и, назвавши его скотиопсин (помраченным), вытолкали его в спину из церкви. В тот же день на ипподроме выдергали ему ресницы и брови, выдергали всю бороду и все волоса с головы; потом одели в шелковый без рукавов мешок, посадили на осла наизворот оседланного, за хвост которого он должен был держаться, и вели его чрез малый на великий ипподром, и весь народ и все стороны смеялись и плевали на него... Когда он был посреди двух сторон зрителей, то все сошли с мест своих, плевали на него и бросали пылью. Приведши его к месту, сбросили его с осла и топтали шею его. Потом посадили пред народом, и он должен был слушать от них насмешки и ругательства, пока кончились игры. В августе месяце царь послал к нему патрициев спросить: что ты думаешь о нашей вере и о соборе, который мы созывали? Он, потерявшись в уме, отвечал: ты прекрасно веруешь и прекрасно созвал синод, а чрез это надеялся он опять снискать его благоволение, но посланные прямо сказали ему: мы только и хотели слышать это из скверных уст твоих; теперь ступай во тьму кромешную, под анафему. По

сему приговору он был обезглавлен на Собачьей площадке. Голову его, привязанную за уши, повесили в Милии на три дня для показания народу, а тело, привязавши к веслу, повергли вместе с насильственно умершими. Чрез три дня туда же бросили и главу его»⁴⁰. Таким образом, лжесмирение, проявленное патриархом перед императором-гонителем, не только не избавило его от мук и позора, но и лишило его блаженной христианской кончины.

Одержанное мучеником духовной победы немислимо также без любви к Богу. Горнило испытаний, сквозь которые Господь судит пройти тому или иному мученику, является своего рода лакмусовой бумагой, выявляющей обилие или, напротив, недостаток истинной Божественной любви. Анализируя многочисленные жития святых мучеников, епископ Вениамин (Милов) свидетельствует, что «огненная любовь к Богу во Христе, питая страстотерпцев, хранила их от злобы против мучителей. Она побуждала их забывать "о ранимом теле и осуждении на смерть" и превращала для них "хождение по горячим углям" в шествие по росе. Ею уязвляемые, они терпели "язвы и болезни от огня", тягость лютых мучений. Иные из них "обесчувствовались к ощущению телесных поранений и болезней" и чрез то сберегали в себе неокраденный дух и огненные крылья к небу»⁴¹.

Смирненное, добровольное и любвеносное принятие смерти за Христа неразрывно связано с жертвенным самоотречением мученика. Ведь, идя на смерть, он отдает самое дорогое, что у него есть,— самого себя. Однако достичь этой высшей ступени самоотречения можно лишь в том случае, если христианин стал мучеником в борьбе с грехом, если прежде он умер для себя и для мира. Иными словами,

⁴⁰ Феофан Исповедник, *нпр.* Летопись // http://krotov.info/acts/08/3/feofan_06.htm.

⁴¹ Вениамин (Милов), *еп.* Указ. соч. С. 366.

путь к мученичеству начинается с бескровного мученичества аскета. Пограничное состояние между самоотречением подвижника и самоотречением мученика хорошо отражено в диалоге святителя Василия Великого с императором Валентом. Перечислив различные виды наказаний, которыми можно было пресечь деятельность великого ревнителя Церкви, включая также и смерть, император увидел с его стороны полное к ним безразличие: «Как же это, почему тебя не трогают эти угрозы? — На это святой отец ответил: — Потому что не боится отобрания имущества тот, кто ничего у себя не имеет; разве что потребуешь от меня моей простой одежды и тех немногих книг, из которых состоит все мое имущество. Что такое изгнание — я не могу понять, потому что не связан ни с каким местом; и то, на котором живу теперь, не мое, и всякое, куда меня ни кинут, будет мое место. Лучше же сказать, всюду Божие место, и я буду везде странником и пришельцем. А истязания тела? Что они у меня могут взять, когда нет у меня даже и тела (оно тоже Богу принадлежит)? Смерть же для меня благодетельна, она скорее пошлет меня к Богу, для Которого я живу и тружусь, для Которого большею частью себя самого я уже умер и к Которому давно стремлюсь...»⁴².

Весьма немногие решаются посвятить Богу всю свою жизнь, но еще меньше тех, кто способен отдать Ему свою смерть. И если посмотреть на это посвящение сквозь призму евангельской аксиологии, согласно которой «все сокровища земного шара и вся вселенная не стоят одной души христианской»⁴³, то мы увидим в нем ярко выраженный жертвенный мотив. Более того, в мученическом восхождении по ступеням самоотречения стирается грань между

⁴² Григорий Богослов, *свт.* Слово 43, надгробное Василию, архиепископу Кесарии Каппадокийской // <http://predanie.ru/lib/book/read/67845/#toc47>.

⁴³ Житие и поучения иеросхимонаха Анатолия (Зерцалова). М., 1994. С. 319.

приносящим и приносимым, так что «закалаемый за Христа самого себя священнодейственно приносит в жертву»⁴⁴. Бесценное свидетельство о таком священноприношении мы находим в «Письме к Немезиану и другим, сосланным на рудокопни» священномученика Киприана Карфагенского. Утешая ссыльных христиан, он прибегает к сотериологической символике. В его видении, ссылка в золотоносные рудники таинственно указывает на ценность ссыльных, ибо они стали золотыми и серебряными сосуда́ми Бога; избивание палками указывает на древо спасительного Креста... Осмысляя же в целом подвиг исповедников, он видит в нем продолжение Евхаристической Жертвы. «Не чувствуйте, возлюбленные братья; никакого ущерба вашему благочестию и вере оттого, что там служителям Божиим нет возможности совершать Божественную службу. Вы служите ее и приносите жертву Богу драгоценную, славную, которая много поможет вам получить награду на Небе, ибо в Священном Писании сказано: *Жертва Богу дух сокрушенный, сердца сокрушенного и смиренного Бог не презирает* (Пс. 50, 19). Эту жертву приносите вы Богу. Эту жертву совершаете непрерывно днем и ночью; сами вы стали жертвой Богу, предлагая себя как святых и непорочных овец на заклание...»⁴⁵

Восприятие мученичества как жертвы содержится и в таких раннехристианских памятниках, как «Послание к римлянам» святого Игнатия Богоносца и «Мученичество святого Поликарпа». Предвидя мученическую смерть за Христа, святой Игнатий обращается к своей пастве с такими словами: «Умоляю вас: не оказывайте мне неблагоприятной любви. Оставьте меня быть пищею зверей и посредством их достигнуть Бога. Я пшеница Божия: пусть измельют меня

⁴⁴ Феофан Затворник, *свт.* Толкования посланий апостола Павла. Пастырские послания. М., 1995. С. 625

⁴⁵ Киприан Карфагенский, *сщмч.* Письмо к Немезиану и другим, сосланным на рудокопни // <http://www.pagez.ru/lsn/0146.php>.

зубы зверей, чтоб я сделался чистым хлебом Христовым... Молитесь о мне Христу, чтоб я посредством этих орудий сделался жертвою Богу». И далее: «Нет для меня сладости в пище тленной, ни в удовольствиях этой жизни. Хлеба Божия желаю, хлеба небесного, хлеба жизни, который есть плоть Иисуса Христа, Сына Божия, родившегося в последнее время от семени Давида и Авраама. И пития Божия желаю, — крови Его, которая есть любовь нетленная и жизнь вечная»⁴⁶.

Если сопоставить два этих фрагмента, то можно заметить, что святой Игнатий смотрит на свои страдания не только как на подражание Христу, но как на соучастие в голгофской жертве Христа. «Зерно человеческой жизни перемалывается, чтобы христианин стал "чистым хлебом Христовым", то есть единым с Ним, "со-телесным" — *σύσσωμος*, говоря языком апостола Павла»⁴⁷. Отсюда — отождествление своего мученического подвига с Евхаристией.

Жертвенный аспект мученичества отчетливо просматривается в дошедшей до нас молитве, которую вознес святой Поликарп Смирнский перед тем, как мучители решили сжечь его на костре: «Господи, Боже Вседержителю, Отче возлюбленного и благословенного Отрока Твоего, Иисуса Христа, чрез Которого мы получили познание о Тебе! Боже Ангелов и Сил и всякого создания, и всякого рода праведных, живущих пред лицем Твоим! Благословляю Тебя, что Ты удостоил меня в день сей и час стать причастным числу мучеников Твоих и Чаше Христа Твоего для воскресения в жизнь вечную души и тела в нетлении Святого Духа. Да буду принят я в [числе] их днесь

⁴⁶ *Игнатий Богоносец, свецмч.* Послание к Римлянам. Гл. 4, 7 // http://tvorenia.russportal.ru/index.php?id=saeculum.i_iii.y_01_0004.

⁴⁷ *Василик Владимир, диак.* Мученичество и молитва // <http://pravoslavie.ru/put/49711.htm>.

пред лицом Твоим в жертву тучную и благоприятную, как Сам Ты, неложный и истинный Боже, предуготовал, предвозвестил и совершил»⁴⁸.

Комментируя эту молитву, известный ученый и богослов диакон Владимир Василик замечает, что в благодарении за причастность Христовой Чаше «возможна аналогия со словами Христа, обращенными к Его ученикам: *Можете ли пить чашу, которую Я буду пить, и креститься крещением, которым Я крещусь?* (Мф. 20, 22). Однако сами эти слова Христа связаны не только с Его страданием, но и с Евхаристией как с кровавой жертвой»⁴⁹. Дальнейшее обращение к обстоятельствам мученичества святого Поликарпа подтверждает наличие евхаристической символики в его молитве. Автор «Мученичества» говорит об удивительном чуде: огонь достиг большой силы, но принял образ свода, так что тело мученика стало подобно хлебу, окруженному жаром печи, но не опаляемому огнем. Если вспомнить о «чистом хлебе Христовом» святого Игнатия Богоносца, то будет понятно, о каком хлебе идет речь.

Отождествление мученичества с евхаристической причастностью Христу является общецерковной идеей. Во времена гонений Евхаристия часто совершалась на телах святых мучеников, которые являлись, по сути, живыми антиминсами. По окончании эпохи гонений эта традиция осталась в Церкви в виде совершения Евхаристии на вложенных в престол святых мощах, а впоследствии закрепились в качестве канонической нормы⁵⁰. Однако внешнее соблюдение этой двухтысячелетней традиции, к сожалению, не всегда приводит к осмыслению ее логосного основания, а именно к видению теснейшей взаимосвязи между жертвой святых

⁴⁸ Мученичество святого Поликарпа. Гл. 14 // <http://mystudies.narod.ru/library/p/policarp/martir.htm>.

⁴⁹ *Василик Владимир, диак.* Указ. соч.

⁵⁰ См.: Правила Святой Православной Церкви... Т. 1. С. 611–612. (7-е правило VII Вселенского собора).

мучеников, пребывающих своими душами под небесным алтарем (см.: Апок. 6, 9), и вечной жертвой Христовой⁵¹. Уподобляясь Христу в Его страстях и входя затем в Его Божественную славу, мученики становятся верными ходатаями к Богу за лежащий во зле мир. По их святым молитвам Господь снова и снова смещает эсхатологический горизонт бытия ради спасения избранных (см.: Рим. 8, 29–30). Голгофский опыт Русской Православной Церкви в XX веке и начинающееся воскресение Святой Руси стали лучшим подтверждением этого духовного закона.

ШАПОВАЛОВ Евгений,
студент 5 курса СПДС

ИСИХАЗМ И НОВАЯ «ДУХОВНОСТЬ»

Введение

Современное общество массового потребления, кроме новых рецептов в области комфортного проведения своей жизни, побочным эффектом имеет и притязания на новую, необременительную и универсальную «духовность». Это проявляется во всеобщем синкретизме религиозных, философских учений и практик, что подается под упаковкой новой «духовности» — New age. Полвека назад нельзя было и представить себе, что практики восточных религий таких — как индуизм, буддизм, — будут свободно соединяться в сознании адептов новой «духовности» с мистическими практиками Православия. Сейчас никого не удивляет, что стало возможным появление так называемой христианской йоги, христианского дзена, некоторых направлений неоязычества, в которых, наряду с восточными нехристианскими практиками, используется Иисусова молитва.

В данном исследовании будут рассмотрены эти явления и представлен православный взгляд на подобный религиозный синкретизм с точки зрения самой цели и практики такого направления православной духовной жизни, как исихазм.

Отличие исихазма от медитации

Рассмотрим вначале отличие исихазма от популярной ныне медитации. Само слово «медитация» латинского

⁵¹ См.: Правила Святой Православной Церкви... Т. 1. С. 612–613.